

Завтрак.

Ю Ю и Шан Цянь стояли за спинами своих господ, молча утирая пот. А двое сидящих за столом смотрели друг на друга, не произнося ни слова и не притрагиваясь к палочкам, словно тот, кто первым заговорит или возьмёт еду, проиграет.

— Ешьте, — Шангуань Тин постучал по столу. — Не стоит доводить себя до изнеможения, даже если хочешь умереть, не впутывай в это ни в чём не повинных людей.

Янь Цзин, которого всё тело нестерпимо зудело, с обидой воскликнул:

— Эта одежда, которую ты... дал мне... она же... просто ужасна... А ткань... посмотри... погляди... я... я весь покраснел...

С этими словами он задрал рукав, обнажая тонкую белую руку, покрытую красными пятнами и следами отчаянных расчёсов.

— Почему бы тебе не признать, что ты слишком изнежен? Когда я носил её... — Шангуань Тин внезапно замолчал на полуслове, а спустя мгновение добавил: — Не можешь носить — выбрось. Впрочем, если полагаться только на те вещи, что ты привез с собой, вряд ли ты проживёшь здесь и трёх дней. Когда почувствуешь, что близок к смерти, отползи подальше от лагеря. Не хватало ещё, чтобы ваше Государство Янь обвинило государство Юй в истязании военнопленных.

Янь Цзин, наблюдая за реакцией собеседника, с хриплым смешком спросил:

— Ты... одел меня... в свою... одежду?

Шангуань Тин промолчал, но стоявший позади него Шан Цянь поспешил пояснить:

— Его Высочество беспокоится о вашем здоровье, принц. Ваши наряды, хоть и красивы, слишком тонки. В Наньцзяне сейчас холодно, а последние дни метели не утихают. Мой господин боится, что вы, как и прошлой ночью, переохладитесь, и жизнь ваша окажется под угрозой.

— Почему... не сказал сразу... решил... делать добро... и остаться в тени? — Янь Цзин положил в чашку Шангуань Тина паровой пирожок. — Ты... так поступаешь... что другие... даже не могут... отблагодарить тебя...

Шангуань Тин откусил кусочек — начинка оказалась из грибов со свиной.

— Суть благодеяния не в том, чтобы ждать награды.

Он отложил пирожок и добавил с намёком:

— Я не ищу славы, зная, что найдутся те, у кого есть язык, чтобы рассказать.

Шан Цянь, у которого был язык, мгновенно вспотел от жары. Он вспомнил, чему его учил Шан Вань: всегда помогать своему господину словом. Но тот лишь учил, что нужно делать, а не как спастись, если после этого господин придет в ярость. Поэтому Шан Цяню оставалось лишь молиться про себя.

Янь Цзин снова положил Шангуань Тину пирожок, а тот, что уже был надкушен, переложил в свою чашку.

— Но... я... хочу слышать... именно от тебя...

— Разницы никакой, — Шангуань Тин откусил пирожок и, опустив взгляд, увидел, что этот был с чистым мясом.

— Есть, — Янь Цзин смотрел на него, откусывая ровно там, где губы касались теста. — Шангуань... Шангуань Тин... разница... есть...

Ю Ю не выдержала и поставила чашку воды рядом с Янь Цзином:

— Пейте, принц, от одних пирожков будет слишком приторно.

После завтрака Янь Цзин устроился у печи с книгой, то и дело кляня носом. Шангуань Тин выхватил у него чтиво и резко спросил:

— Ты что, решил сжечь себя заживо?

— Ты... куда... собрался? — сонный Янь Цзин, увидев наряд Шангуань Тина, мгновенно протрезвел.

На нём были чёрные доспехи, а на поясе — длинный меч. Он выглядел так, словно собрался прямо на поле боя. Шангуань Тин, заметив, что Янь Цзин пришел в себя, вернул ему книгу:

— Обход границ.

Янь Цзин, прижимая книгу к груди, спросил:

— Я... могу... пойти с тобой?

— Ты ищешь смерти или пытаешься сбежать? — Шангуань Тин сжал рукоять меча. — Что бы ты ни выбрал, финал один — гибель.

— У тебя... в голове... целыми днями... кроме битв... и убийств... хоть что-то... ещё осталось? — Янь Цзин швырнул книгу в грудь Шангуань Тину. — Если не... думать... о худшем... что с тобой... случится? Ты... вечно... видишь во всех... только зло... А добро... которое... делают тебе... ты... совершенно... не замечаешь...

Шангуань Тин наступил на книгу:

— Какое добро? То, что ты называешь добром? Тайком сбежать, тяжело заболеть и заставить всех волноваться и переживать — это ты называешь добром?

— Тогда твоё добро... слишком уж мучительно.

Они расстались в ссоре. Перед самым отъездом Шангуань Тин обернулся в седле. Возле одной из палаток он заметил край одежды. Шан Цянь, заметив взгляд господина, тоже оглянулся и увидел этот край:

— Ваше Высочество, это принц?

— Поехали. Скоро пойдёт снег.

Густой дым выгнал всех из кухни. Ю Ю, кашляя, пробормотала:

— Я же говорила... что огонь... слишком сильный...

— Да нет же... — Янь Цзин, чей голос ещё не окреп, после вдоха дыма закашлялся сильнее прежнего, — это... ты... подкинула... слишком сухие... дрова...

Юэ Яр, отвечавшая за мытье овощей, вытирая сажу с лица, с опаской спросила:

— Может, вернётесь в палатку отдохнуть?

— Хорошо.

— Плохо.

Два голоса прозвучали одновременно: первый принадлежал Ю Ю, второй — Янь Цзину. Янь Цзин плотнее запахнул халат и уверенно заявил:

— У меня... кхм... уже... есть... опыт...

Юэ Яр почувствовала, как похолодело внутри — её охватила тревога за обед солдат.

Юэ Лян, вернувшись с реки после стирки, увидел дымящуюся кухню и трёх чумазных человечков у входа.

— Юэ Яр! — взревел он.

— Папа... папочка... — виновато отозвалась девушка.

Не дожидаясь отцовского гнева, она покалась:

— Я виновата, папа.

Увидев искреннее раскаяние, Юэ Лян остыл:

— Ладно, ладно. Иди поиграй, я сам всё уберу.

— Папа, я помогу тебе.

Она обняла отца, и тот, погладив её по голове, с гордостью подумал: выросла.

Лишние в этот трогательный момент слуги предпочли остаться в стороне. Дым рассеялся, и оказалось, что пострадала только чистота — ничего не сгорело, убрать всё было несложно. Юэ Яр вкратце объяснила, зачем приходили Янь Цзин и его люди. Юэ Лян рассмеялся:

— Просили научить варить имбирный отвар? Она с детства только огонь разжигать умела, а на кухне — лишь овощи мыть. Откуда ей знать, как варить отвары?

Ю Ю спросила у Юэ Яр:

— Ты ведь говорила, что отлично это умеешь?

Юэ Яр замялась:

— Я просто хвасталась, кто же знал, что вы поверите.

В конце концов, её кулинарные таланты в лагере были притчей во языцех. Кто бы мог

подумать, что на этот раз кто-то клюнет на её бахвальство? Ради спасения репутации ей пришлось учить их, как могла. Один рискнул учить, другой рискнул учиться.

Белизна окутала горы, стирая границы дорог.

— Ваше Высочество, дороги больше нет.

Снег был таким глубоким, что кони проваливались по колено. Если бы человек ступил туда, его бы засыпало с головой, оставив лишь малую часть тела над сугробом. Шангуань Тин развернул коня:

— Возвращаемся в лагерь.

Когда они приблизились, вдалеке показалась фигура в плаще и капюшоне, машущая им рукой.

— Шангуань Тин.

В тот миг, когда он позвал его по имени, Шангуань Тин открыл рот, чтобы ответить, но не нашёл слов. Он подумал: когда он произносил его имя, он улыбался.

— Пей... пей же... — Янь Цзин пододвинул чашку к Шангуань Тину. — Его можно... пить...

От чашки шёл пар, внутри плавало что-то чёрное, а запах был довольно неприятным. Шангуань Тин искренне спросил:

— Ты решил меня отравить?

— Ты...

Янь Цзин стиснул зубы:

— Это... имбирный отвар...

— Имбирный... отвар?

— Не похоже... что ли? — Янь Цзин указал на чёрные кусочки. — Имбирь.

— Если болен — лечись, а не занимайся ерундой. Я не буду пить имбирный отвар.

Улыбка Янь Цзина застыла, а затем исчезла. Его взгляд ни на миг не покидал Шангуань Тина — он пытался найти хоть каплю лжи, хоть малейший признак того, что тот говорит неправду. Увы, их не было.

Спустя годы Янь Цзин поймёт, что Шангуань Тин был величайшим лжецом на свете. Потому что однажды он так умело его обманул, что тот оказался в ловушке, где сторонний наблюдатель всё видит ясно, а участник событий — слеп.

— Папа, сегодня творится что-то странное, — Юэ Яр передала отцу принесённую чашку. — Пирожок с грибами, который они взяли на завтрак, съеден до крошки, и этот горький, острый отвар тоже выпили до дна. Неужели принц сменил вкусы?

Юэ Лян мыл чашки:

— Возможно.

<http://bllate.org/book/21786/2253238>